

<https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-3-1487>

Переосмысление промышленной политики в контексте общественного договора через призму экономической теории

А.В. Белицкая¹ , Д.В. Горяшин¹, А.А. Яковлев^{1,2}

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

² *Институт экономики РАН, 117218, Москва, Нахимовский просп., д. 32, Российская Федерация*

 ikovlevartem@yandex.ru

Аннотация. Целью данной статьи является переосмысление промышленной политики в контексте общественного договора в разрезе таких вопросов, как соотношение частной инициативы и государственной политики в промышленной сфере, производства и ренты как источников общественного благосостояния, свободы торговли и протекционистских мер, передачи знаний и защиты технологического суверенитета, мирового разделения труда и обеспечения импортонезависимости, а также переговоров по приоритетам развития человеческого капитала. Гипотезой данной статьи стало предположение о том, что промышленная политика формируется и корректируется в результате согласования интересов общества, бизнеса и власти по важным для них вопросам такой политики в рамках общественного договора. Авторы последовательно обосновали данную гипотезу через единую структуру рассмотрения каждого из обозначенных вопросов: определение генезиса, понятия и места в экономической теории категорий, которые выступают предметом выбора в контексте промышленной политики, выявления роли общества/бизнеса в рамках такого выбора, согласования интересов экономических агентов при формировании и корректировке промышленной политики. В результате исследования авторы пришли к выводу, что в XXI в. общественный договор, который лишь частично положен на бумагу в рамках конституции государства, недооценивается как инструмент государственного регулирования и саморегулирования экономики. ИмPLICITная часть такого договора, которая наиболее гибко реагирует на изменения экономических, политических и социальных условий, является значимым фактором успешной реализации государственной экономической, в том числе промышленной, политики, в связи с чем такая политика должна стать предметом переговоров между обществом, бизнесом и властью для выработки взаимовыгодных условий сотрудничества.

Ключевые слова: промышленная политика, промышленное производство, технологический суверенитет, реальный сектор, общественный договор, социальный контракт, протекционизм, импортонезависимость, национальная экономика

Благодарности: Статья поддержана проектом 23-Ш05-16 в рамках Междисциплинарных научно-образовательных школ Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Для цитирования: Белицкая А.В., Горяшин Д.В., Яковлев А.А. Переосмысление промышленной политики в контексте общественного договора через призму экономической теории. *Экономика промышленности*. 2025;18(3):358–366. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-3-1487>

Rethinking industrial policy in the context of the social contract through the lens of economic theory

A.V. Belitskaya¹ , D.V. Goryashin¹, A.A. Yakovlev^{1,2}

¹Lomonosov Moscow State University,

1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

²Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,

32 Nakhimovskiy Ave., Moscow 117218, Russian Federation

 ikovlevartem@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to reconsider the industrial policy in the context of the social contract in terms of such issues as the relationship between private initiative and public policy in the industrial sector, manufacturing and rent as the sources of public welfare, freedom of trade and protectionist measures, transfer of knowledge and protection of technological sovereignty, the global division of labor and ensuring import independence, as well as negotiations on the priorities of human capital development. The hypothesis of this article is the assumption that the industrial policy is formed and corrected as a result of coordination of the interests of society, business and government on the issues of that policy in the context of the social contract that are of great importance for them. The authors have consistently substantiated this hypothesis through a single structure of consideration of each of the indicated issues: definition of the genesis, concept and place in the economic theory of categories that are a subject of choice in the context of industrial policy, identifying the role of society/business in terms of such choice, coordination of interests of economic agents in formation and correction of the industrial policy. As a result of the study, the authors come to the conclusion that in the 21st century social contract, which is only partially put on paper within the framework of the constitution of the state, is underestimated as a tool of state regulation and self-regulation of the economics. The implicit part of such a contract, which responds most flexibly to the changes in economic, political and social conditions, is the most significant factor of successful implementation of the government economic (including industrial) policy. Due to this, such a policy should become the subject of the negotiations between the society, business and authorities to develop mutually beneficial terms of cooperation.

Keywords: industrial policy, industrial production, technological sovereignty, real sector, social contract, protectionism, import independence, national economy

Acknowledgements: The article was supported by project 23-III05-16 within the framework of Interdisciplinary Scientific and Educational schools of Lomonosov Moscow State University.

For citation: Belitskaya A.V., Goryashin D.V., Yakovlev A.A. Rethinking industrial policy in the context of the social contract through the lens of economic theory. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2025;18(3):358–366. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-3-1487>

从经济学的理论视角重新思考社会契约背景下的产业政策

A.V. 别列茨卡娅¹ , D.V. 戈里亚申¹, A.A. 雅科夫列夫^{1,2}

¹莫斯科罗蒙诺索夫国立大学, 119991, 俄罗斯联邦莫斯科列宁山1号

²俄罗斯科学院经济研究所, 117218, 俄罗斯联邦莫斯科纳希莫夫斯基大街32号

 ikovlevartem@yandex.ru

摘要: 本文的目的是从社会契约的视角反思产业政策, 探讨以下问题: 工业领域私营企业的主动性与公共政策之间的关系; 生产与租金作为公共福利的来源; 自由贸易与保护主义措施; 知识转移与技术主权保护; 国际分工与确保不依赖进口, 自给自足; 以及关于人力资本发展优先事项的谈判。本文的假设是, 产业政策的制定和调整是在社会契约框架内协调社会、企业和政府在重大政策问题上的利益的结果。作者通过统一的框架逐步论证了这一假设, 研究了每一个指定问题: 界定产业政策背景下选择对象类型的起源、概念及在经济学理论中的地位, 确定社会/企业在这种选择框架中的角色, 协调经济主体在产业政策的制定和调整中的利益。研究结

果: 作者得出结论, 在21世纪, 社会契约在国家宪法框架内仅部分地以书面形式体现, 作为国家调控和经济自我调节的工具, 其作用被低估了。社会契约的隐性部分能够更灵活地应对经济、政治和社会条件的变化, 是成功实施国家经济政策 (包括产业政策) 的重要因素。因此, 这些政策应成为社会、企业和政府之间谈判的主题, 以创造互惠互利的合作条件。

关键词: 产业政策、工业生产、技术主权、实体经济、社会契约、保护主义、不依赖进口、国民经济

致谢: 本文由莫斯科罗蒙诺索夫国立大学跨学科科学与教育学院资助, 项目编号23-Ш05-16。

Введение

Экономическая теория рассматривает промышленную политику сквозь призму различных противопоставлений: фритредерства и протекционизма, свободы и ограничения движения знаний и технологий, углубления международной специализации и обеспечения импортонезависимости, ресурсного проклятия и благословения. Выбор между предложенными вариантами неоднозначен и во многом зависит от исторических и национальных факторов, однако такой выбор нельзя признать объективно predetermined, так как на каждом этапе исторического развития в различных странах его осуществляют конкретные экономические агенты (индивиды/фирмы, их объединения, нации в целом и, конечно, государства), интересы которых могут при этом не совпадать.

Современная общественно-политическая практика является ярким подтверждением того, что выбор в рамках названных в целом традиционных дилемм зачастую становится сутью конкретной конкурентной борьбы в поддержку или против, например, глобализации, ВТО, доллара, мигрантов, санкций. Так, в США в 2025 г. был пересмотрен давно уже решенный вопрос о торговых пошлинах, что подчеркивает актуальность заявленной проблематики и возрождает дискуссии о протекционизме.

Целью работы является переосмысление промышленной политики в контексте общественного договора в разрезе таких вопросов, как соотношение частной инициативы и государственной политики в промышленной сфере, производства и ренты как источников общественного благосостояния, свободы торговли и протекционистских мер, передачи знаний и защиты технологического суверенитета, мирового разделения труда и обеспечения импортонезависимости, а также переговоров по приоритетам развития человеческого капитала.

В данной статье предпринята попытка проверить предположение о том, что промышленная политика формируется и корректируется в результате согласования интересов общества, биз-

неса и власти по важным для них вопросам такой политики в рамках общественного договора.

Проверка гипотезы осуществляется посредством единой структуры обоснования, которая включает в себя определение генезиса, понятия и места в экономической теории категорий, выступающих предметом выбора в рамках промышленной политики, выявление интересов экономических агентов при формировании и корректировке промышленной политики, подтверждение необходимости согласования таких интересов.

Факторы трансформации промышленной политики

Переход к постиндустриальному обществу является реализацией решения государства или индивидов, а выступает результатом естественной эволюции технологических, экономических и социальных процессов. Как отмечает идеолог концепции постиндустриального общества Д. Белл, такое общество связано с обработкой данных, управлением и информацией, технические знания в нем становятся основой, а образование – средством достижения власти [1]. С точки зрения экономики, постиндустриальное общество предполагает изменение конфигурации хозяйства за счет перехода от материальных благ к услугам, что имеет одно важное последствие – это общество признается «игрой между людьми», особую значимость в принятии решений в нем приобретает «взаимодействие людей друг с другом» [1]. То есть, если в индустриальном обществе фактором, определяющим принятие решений в рамках, в частности, реализации промышленной политики, было количество труда и капитала, государство выполняло роль «ночного сторожа» или центрального планировщика, экономический человек (*homo economicus*) стремился к максимизации своего благосостояния, а советский человек – к выполнению плана, то в новом укладе механизм принятия решений кардинально изменился: основным фактором стал человек, от творческого потенциала и вовлеченности в процессы которого зависит сейчас любой результат. В постиндустриальном обществе появилась необходимость с этим человеком

договариваться, в том числе в рамках формирования и реализации государственной экономической политики, частью которой является промышленная политика.

Переговоры в постиндустриальном обществе стали предметом исследования Ю. Хабермаса, который признавал длящийся процесс коммуникативного действия необходимым элементом обеспечения солидарности в обществе. Такой коммуникативный процесс философ рассматривал через призму теории общественного договора [2], которая было утратила свою популярность, но вернулась в научный дискурс в связи с необходимостью согласования интересов общества, бизнеса и власти в постиндустриальном обществе. Понимание общественного договора было представлено еще в исследованиях Т. Гоббса (Т. Hobbes) [3], Дж. Локка (J. Locke) [4], Ж.-Ж. Руссо [5], а также Дж. Роулза (J. Rawls) [6], Д. Готье (D. Gauthier) [7], К. Бинмора (K. Binmore) [8] и многих других авторов, которые с 1651 г. пытались постичь суть и механизм взаимодействия общества и государства (или же общества внутри государства). В 1986 г. Дж. Бьюкенену была вручена Нобелевская премия за исследование договорных и конституционных основ теории принятия экономических и политических решений. В понимании Дж. Бьюкенена и его соавтора Г. Таллока (J. Buchanan, G. Tullock) общественный договор представляет собой обмен ожиданиями относительно прав собственности и свобод, принятых в обществе [9], однако, по нашему мнению, условия такого договора в постиндустриальном укладе значительно шире и касаются в целом выбора того, в каком обществе мы живем – созидающем или исключительно потребляющем, с героями в виде белых воротничков, работяг или талантливых хакеров. В конечном итоге вопрос на каждом новом этапе развития остается тем же: «что мы должны друг другу?» (Т. Сканлон (T. Scanlon) [10], М. Шафик (M. Shafik) [11]), и в ответе на этот вопрос публичное рассуждение играет ключевую роль, в том числе в разрезе обеспечения справедливости [12].

Представляется, что только в процессе согласования интересов всех экономических агентов формируются договоренности об условиях труда, цифровой трансформации, обеспечении технологического лидерства и импортонезависимости. Принять и реализовать такие решения самостоятельно, даже опираясь на монополию на насилие, государство в существующей парадигме не в состоянии, поскольку такие решения требуют изменения психологии поведения и мышления домохозяйств и фирм. Это приводит к выводу

о том, что промышленная политика, положенная на бумагу (например, Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»¹, Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²), автоматически не становится условием общественного договора и будет иметь лишь декларативный характер, пока меры, предложенные государством в рамках такой политики, не отвечают ожиданиям или требованиям бизнеса и общества.

Таким образом, если в индустриальном обществе решения в сфере развития промышленности и технологий были предопределены объективными обстоятельствами (запас капитала, уровень технологий, количество труда), которые целая плеяда экономистов, начиная с Р.М. Солоу (R.M. Solow) [13–15], считала основными факторами, объясняющими темпы экономического роста, то в постиндустриальном обществе неэкономических факторов становится значительно больше и они оказываются более весомыми, что усложняет задачу поиска правильной формулы экономического развития. Следовательно, государству становится сложнее оценить результативность и успешно спрогнозировать экономическую политику, в том числе в сфере промышленности, без учета таких факторов.

В настоящее время научно обосновано, что институты имеют значение, а значит необходимо признать, что такие неэкономические факторы как доверие, консенсус, солидарность, культура, устойчивое развитие, которые являются сложно измеримыми, влияют на эффективность промышленной политики. Полагаем, что в рамках постиндустриального уклада, где общество, бизнес и власть находятся в постоянном переговорном процессе, в качестве нового стилизованного факта для моделей экономического роста должна быть рассмотрена степень устойчивости общественного договора. Такая устойчивость может проявляться в отклике фирм и домохозяйств на государственные инициативы, восприимчивости частных экономических агентов к предложенным государством стимулам в рамках реализа-

¹ Собрание законодательства РФ. От 05 января 2015 г. № 1 (Часть 1). Ст. 41. Режим доступа: http://www.jurizdat.ru/editions/official/lcrf/archive/2015/1_1.htm (дата обращения: 25.08.2025).

² Собрание законодательства РФ. От 30 декабря 2014 г. № 53 (Часть 1). Ст. 8533. Режим доступа: http://www.jurizdat.ru/editions/official/lcrf/archive/2024/53_1.htm (дата обращения: 25.08.2025).

ции промышленной политики, поддержке государством частных инициатив, в том числе в сфере строительства промышленно-производственных объектов в рамках государственно-частного партнерства, заключении соглашений между государством и бизнесом в сфере промышленности (например, специальных инвестиционных контрактов и офсетных контрактов). Следует отметить, что в поправках, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г., указывается, что «в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность» (ст. 75.1³).

Производство или рента: выбор в рамках общественного договора

Предлагается, что основным вопросом в отношении промышленной политики в разрезе экономической теории, который обсуждается в рамках общественного договора, является вопрос о том, потреблять сейчас или направлять средства на развитие/производство. Данный вопрос актуален в основном для стран, обладающих возможностью получения рентного дохода. Отметим, что в настоящее время количество таких стран увеличивается в связи с концептуальным пересмотром понятия ренты, которая теперь признается образованной не только за счет наличия природных ресурсов, но и за счет ограниченного доступа к технологиям и информации.

Наличие возможности извлекать ренту может стать весомым аргументом в рамках общественного договора при обсуждении его условий для той стороны, которая имеет контроль над рентообразующим фактором. Так, если речь идет о нефтяном доходе, то государство лишь за счет него может обеспечить стабильность и процветание экономики (пример России 2000-х годов), сохранить излишки такого дохода и при необходимости реализовать за счет них антикризисные меры (например, в рамках борьбы с последствиями финансового кризиса, а затем и санкций

в России). Когда же речь идет о технологиях и информации, бизнес значительно усиливает свои позиции в переговорном процессе с государством, так как может в любой момент принять решение вывезти рентообразующий фактор за рубеж (например, в Швейцарию, где наблюдается сосредоточение технологий). В свою очередь общество (народ указан как носитель суверенитета во многих конституциях) может потребовать от государства перераспределения рентного дохода как в пользу долгосрочной цели устойчивого развития с заботой о будущих поколениях (пример Норвегии), так и в пользу краткосрочной цели максимизации имеющегося благополучия (пример Венесуэлы).

Осмысление возможности получения рентного дохода рассматривается в экономической теории в основном под клеймом ресурсного проклятия, которое впервые было обозначено Р. Аути (R. Auty) в 1993 г. в рамках обоснования вывода о том, что государства, использующие природные богатства, имеют более низкий по сравнению с другими странами экономический рост в долгосрочной перспективе [16], что демонстрируется в том числе на примере «голландской болезни», одним из отрицательных эффектов которой становится сокращение объемов национального промышленного производства. В научной литературе представлено значительное число исследований, которые связывают возможность получения рентного дохода также с ухудшением качества институтов, в том числе и демократии (например, Р.Дж. Барро (R.J. Barro) [17], М. Росс (M. Ross) [18]). Так, распределяя доступ к рентному доходу, государство может заручиться поддержкой элит, формируя в основном экстрактивные институты, а также при необходимости – поддержкой «большинства», реализуя популистские меры. И в том, и в другом случае устойчивость общественного договора будет зависеть от возможности экспорта рентообразующего товара, будь то нефть или технология, и цена на него, т.е. такой договор будет подвержен влиянию прежде всего экзогенных, а не эндогенных факторов, что несет в себе значительные риски.

В научной литературе предлагается, однако, рассмотреть и другой сценарий, а именно использование рентного дохода для стимулирования роста технологий и промышленного производства при обеспечении согласования интересов и эффективного взаимодействия общества, бизнеса и власти посредством стратегического или индикативного планирования [19], что может значительно повысить устойчивость общественного договора.

³ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280> (дата обращения: 25.08.2025).

Развитие человеческого капитала как направление реализации промышленной политики

Развитие человеческого капитала оказывает значительное влияние на темпы экономического роста в долгосрочной перспективе, особенно в постиндустриальном обществе, где столь значительна роль квалификации специалистов. Вопрос о том, кто платит за образование и здравоохранение, имеющие существенное значение для развития человеческого капитала, является одним из важнейших вопросов общественного договора, в рамках которого выбирается модель патерналистского или сервисного государства. Согласование условий труда и мобильности, в том числе вопроса формирования миграционной политики государством, обществом и бизнесом, также имеет значение для обеспечения устойчивости общественного договора. Однако представляется, что вопрос стоит значительно шире.

Инвестиции в человеческий капитал являются весомым вкладом в развитие национальной экономики. Так, связь между подобными инвестициями и экономическим ростом обосновал основоположник теории человеческого капитала Г. Бэкер (G.S. Becker) [20], а Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон (D. Acemoglu, J.A. Robinson) доказали взаимосвязь между уровнем образования нации, инклюзивностью институтов и процветанием стран [21]. Инвестиции в человеческий капитал обеспечиваются не только государством за счет средств бюджета (т.е. обществом как налогоплательщиком, делегировавшим государству ответственность за предоставление этого общественного блага), но и иными экономическими агентами. Так, домохозяйства определяют объем вложений в образование и поддержание здоровья, выбирают место приложения труда и профессию, т.е. фактически прямо влияют на перераспределение человеческого капитала по регионам и отраслям народного хозяйства. Фирмы также непосредственно участвуют в данном процессе, предлагая тот или иной уровень заработной платы в различных регионах и секторах экономики, поощряя инновации в рамках компаний, стимулируя профессиональную переподготовку в пользу тех или иных специальностей, обеспечивая добровольное медицинское страхование (ДМС) для своих сотрудников, привлекая на работу мигрантов. Несмотря на то, что выбор домохозяйств и фирм определяется рынком, государство может повлиять на него через различные меры государственной экономической, в том числе промышленной политики, создавая специальные льготные режимы на определенных территориях (например, территории опережа-

ющего социально-экономического развития на Дальнем Востоке), предоставляя меры поддержки определенным профессиям (например, льготная ипотечная программа для IT-специалистов), но это влияние будет заметным только в случае, если условия сотрудничества государства, бизнеса и общества будут взаимовыгодны.

Таким образом, несмотря на то что формирование промышленной политики является прерогативой государства, эффективность ее реализации будет напрямую зависеть от того, насколько она согласована с иными экономическими агентами, что в свою очередь обусловлено наличием институтов, способных обеспечить коммуникационный процесс и вовлечь в него все заинтересованные стороны. В данном случае наличие работающих коллективных площадок, например профсоюзов, саморегулируемых организаций, общественных обсуждений является обязательным элементом механизма общественного договора. Важным достоинством любой политики как элемента стратегического планирования является ее долгосрочный характер, а значит, принимая участие в обсуждении такой политики, общество и бизнес берут на себя часть ответственности за будущее, право на участие в определении которого у них, безусловно, должно быть.

Изменение круга субъектов формирования и реализации промышленной политики

Наличие обширного государственного сектора, деятельность которого направлена на технологическое развитие и реализацию промышленной политики, позволяет достигать результатов не только в коммерчески перспективной инновационной сфере, но и в сфере фундаментальных научных исследований, что в долгосрочной перспективе способствует экономическому росту. Сохраняя права на результаты интеллектуальной деятельности за собой, государство может управлять таким ростом, стремясь к достижению технологического лидерства на мировой арене. Когда же на практике развитие технологий перестает быть «прерогативой» и одновременно заботой государства, появляется потребность в диалоге с разработчиками инноваций, чтобы, во-первых, избежать «утечки мозгов», а следом и вывоза технологий за рубеж, во-вторых, привлечь таких разработчиков к сотрудничеству в рамках реализации приоритетных целей промышленной и научно-технической политики, в том числе для обеспечения национальной безопасности, в-третьих, чтобы получить собственные критически важные технологии и высокотехнологическое производство для ориентации экономики на реализацию

национальных ценностей и интересов инновационного развития возникающих стратегических возможностей [22]. Так, Р. Жухас, Н. Лэйн, Д. Родрик (R. Juhasz, N. Lane, D. Rodrik) указывают на важность коллаборации государственного и частного секторов для достижения целей промышленной политики в современном мире [23].

В постиндустриальном обществе появляется тенденция трансграничного обмена технологиями, что выражается, например, в предоставлении базового бесплатного доступа к использованию различных моделей искусственного интеллекта по всему миру. Конечно, сложно спорить с выводами П. Ромера (P.M. Romer), обосновавшего наличие глобальных выгод от решения экономических агентов передавать знания между странами [24], однако такие решения не должны подрывать технологический суверенитет государства. Так как экономическим агентам свойственно рациональное поведение и стремление к максимизации благополучия, подобный «инновационный альтруизм», несмотря на то, что знания являются неисключаемым и неконкурентным благом, связан, по-нашему мнению, с возможностью в будущем получать технологическую ренту, не считаясь при этом с государством, тем самым размывая его контроль над рентаобразующими факторами и ослабляя его переговорные позиции в рамках общественного договора. Данные опасения подкрепляются тем фактом, что, как доказала Э. Остром (E. Ostrom), общие ресурсы могут эффективно управляться коллективно без государственного вмешательства [25]. При таком раскладе государства сами становятся заинтересованы в диалоге с обществом, без которого в современных реалиях все сложнее обеспечивать технологический, а значит и национальный экономический суверенитет.

Такой диалог может быть инициирован государством с представителями науки и образования посредством активизации деятельности научно-консультационных и экспертных советов, созданных почти при каждом государственном органе. Подобный коммуникативный процесс приводит к взаимовыгодной трансформации общественного договора и укреплению его устойчивости, в том числе в разрезе обеспечения государством национальной безопасности.

Вектор развития промышленной политики как предмет общественного договора

Идейными вдохновителями концепции протекционизма являются меркантилисты, которые полагали, что протекционизм дает импульс экономическому развитию. Вопросом о выборе между свободной торговлей и протекциониз-

мом задавался также Ф. Лист, предложивший концепцию «воспитательного протекционизма» как временной меры для поддержки молодых отраслей национальной экономики [26]. В XX в. индустриализация, основанная на импортозамещении, выступала ключевым фактором развития многих «догоняющих» экономик, а в XXI в. решение о введении протекционизма перестало быть исключительно государственным, так как для его претворения в жизнь требовалось согласие с ним общества и бизнеса (у всех наблюдающих за мировыми событиями возникает вопрос, поддерживает ли протекционистские меры, введенные Трампом, народ США).

Конечно, до сих пор возможно вытеснение ввозимых в страну зарубежных товаров аналогами отечественного производства за счет снижения налоговой нагрузки на национальных производителей и их субсидирования, установления заградительных таможенных пошлин на ввозимые товары и т.д., но такие меры могут привести к снижению качества жизни за счет заполнения рынка менее качественными по отношению к зарубежным товарам аналогами или же из-за роста цен на товары, что снизит общую удовлетворенность домохозяйств происходящими в государстве процессами и негативно скажется на устойчивости общественного договора. В этой связи протекционизм должен стать идеей, близкой как фирмам, которые должны стремиться повышать качество производства даже в условиях отсутствия для этого собственно экономических стимулов, так и домохозяйствам, которые под воздействием неэкономических факторов должны начать покупать отечественные товары, даже при наличии импортных, наиболее дешевых. Однако, как нам кажется, такие меры, даже если они вызывают солидарность бизнеса, общества и власти, должны носить краткосрочный характер на период трансформации, так как рынок в такой ситуации все равно возьмет свое, в связи с чем договоренность о протекционизме окажется в какой-то момент нежизнеспособной.

Выходом из такой ситуации может стать интеграционный протекционизм или режим наибольшего благоприятствования, когда международная специализация развивается лишь между государствами-союзниками или членами одного интеграционного объединения, в рамках которого создается общий рынок товаров, капитала и рабочей силы. Согласованность интересов стран-участников, от глобальных до национальных и региональных, способствует успешному стратегическому развитию интеграционного объединения [27] и закладывает основы для за-

ключения общественного договора также на наднациональном уровне. Отметим при этом, что развитие технологий и производства оказывает существенное влияние на обеспечение импортонезависимости государства. Это означает, что вопросы промышленной и научно-технической политики до последнего будут оставаться частью именно национального общественного договора, не будучи переданными на наднациональный уровень.

Заключение

Таким образом, в работе была выявлена тенденция расширения круга субъектов, участвующих в определении условий промышленной политики, что обусловлено в том числе активным развитием цифровых технологий с возможностью трансграничного обмена ими. В постиндустриальном обществе человеческий капитал как фактор экономического роста обретает все больше субъектных черт, консолидируя знания, опыт, способности к труду в интересе отдельных

групп или всего общества, что предопределяет необходимость обсуждения с таким совокупным субъектом вектора социально-экономического развития государства и усиливает роль общественного договора, в том числе в его имплицитной части. Практическая значимость настоящего исследования состоит в выводе о необходимости учитывать условия общественного договора при формировании государственной промышленной политики, так как только при вовлеченности бизнеса и общества в ее реализацию возможно достичь видимых результатов. Представляется, что концепция промышленной политики, особенно в случае намерения провести ее трансформацию, должна стать предметом переговорного процесса между государством, бизнесом и обществом для выработки взаимовыгодных условий сотрудничества по важным для них вопросам. При этом эффективность таких переговоров будет зависеть от наличия институтов, способных обеспечить коммуникационный процесс и вовлечь в него все заинтересованные стороны.

Список литературы / References

1. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Пер. с англ. М.: Academia; 2004. 788 с. (Пер. с англ.: Bell D. *The Coming of post-industrial society. Experience of social forecasting*. New York: Basic Books; 1973. 507 p.)
2. Хабермас Ю. *Вовлечение другого: очерки политической теории*. Пер. с англ. СПб.: Наука; 2001. 417 с. (Пер. с англ.: Habermas J. *The inclusion of the other: studies in political theory*. Great Britain: Polity Press: Blackwell Publishers Ltd; 1999. 417 p.)
3. Brooke Ch. (ed.) Hobbes T. *Leviathan*. Penguin Classics; 2017. 688 p.
4. Locke J. *Two treatises of government. Cambridge texts in the history of political thought*. Cambridge, England; New York: Cambridge University Press; 1988. 478 p.
5. Руссо Ж.-Ж. *Об общественном договоре: трактаты*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле; 1998. 416 с. (Пер. с англ.: Rousseau J.-J. *The social contract; or principles of political right*. New York: Eckler; 1893. 416 p.)
6. Rawls J. *A theory of justice*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press; 1971. 624 p.
7. Gauthier D. *Morals by agreement*. New York: Oxford University Press; 1986. 357 p.
8. Binmore K. *Game theory and the social contract. Vol. 1. Playing fair*. Cambridge University Press: MIT Press; 1994. 388 p.
9. Buchanan J., Tullock G. *The calculus of consent: logical foundations of constitutional democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1962. 361 p.
10. Scanlon T. *What we owe to each other*. London: Belknap Press of Harvard University Press; 1999. 432 p.
11. Shafik M. *What we owe each other: A new social contract for a better society*. Princeton University Press; 2021. 256 p.
12. Sen A. *The idea of justice*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press; 2009. 497 p.
13. Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. 1956;70(1):65–94.
14. Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. 1992;107(2):407–437.
15. Lucas R.E. *Lectures on Economic Growth*. Boston: Harvard University Press, 2004. 224 p.
16. Auty R. *Sustaining development in mineral economies: The resource curse thesis*. London; New York: Routledge; 1993. 272 p.
17. Barro R.J. Democracy and growth. *Journal of Economic Growth*. 1996;1:1–27. <https://doi.org/10.1007/BF00163340>
18. Ross M. Does oil hinder democracy? *World Politics*. 2001;53(3):325–361. <https://doi.org/10.1353/wp.2001.0011>
19. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика. *Вопросы экономики*. 2007;(6):4–27. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-6-4-27>
Polterovich V., Popov V., Tonis A. Mechanisms of resource curse and economic policy. *Voprosy*

- Ekonomiki*. 2007;(6):4–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-6-4-27>
20. Becker G.S. *Human capital. A theoretical and empirical analysis, with special reference to education*. University of Chicago Press; 1994. 412 p.
21. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. Crown Business; 2013. 546 p.
22. Сасаев Н.И., Квинт В.Л. Стратегирование промышленного ядра национальной экономики. *Экономика промышленности*. 2024;17(3):245–260. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-3-1349>
Sasaev N.I., Kvint V.L. Strategizing the industrial core of the national economy. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2024;17(3):245–260. (In Russ.). <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-3-1349>
23. Juhasz R., Lane N., Rodrik D. The new economics of industrial policy. *The Annual Review of Economics*. 2024;16:213–242. <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-081023-024638>
24. Romer P.M. The origins of endogenous growth. *Journal of Economic Perspectives*. 1994;8(1):3–22. <https://doi.org/10.1257/jep.8.1.3>
25. Ostrom E. *Governing the commons: The evolution of institutions for collective action. (Political economy of institutions and decisions)*. Cambridge; New York: Cambridge University Press; 1991. 298 p.
26. Лист Ф. *Национальная система политической экономики*. М.: Европа; 2005. 382 с.
27. Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимуратов М.К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами. *Экономика и управление*. 2021;27(11):900–909. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-900-909>
Kvint V.L., Novikova I.V., Alimuradov M.K. Alignment of global and national interest with regional strategic priorities. *Economics and Management*. 2021;27(11):900–909. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-900-909>

Информация об авторах

Анна Викторовна Белицкая – д-р юр. наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6988-4022>; e-mail: belankav@gmail.com

Дмитрий Викторович Горяшин – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры математического анализа механико-математического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61, Российская Федерация; e-mail: dmitry.goryashin@math.msu.ru

Артем Александрович Яковлев – канд. экон. наук, доцент, заместитель директора Московской школы экономики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН, 117218, Москва, Нахимовский просп., д. 32, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5579-4458>; e-mail: ikovlevartem@yandex.ru

Information about the authors

Anna V. Belitskaya – Dr.Sci (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial Law of the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, 1-61 Leninskie Gory, Moscow 119234, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6988-4022>; e-mail: belankav@gmail.com

Dmitry V. Goryashin – PhD (Phys.-Math.), Associate Professor of the Department of Mathematical Analysis of the Faculty of Mechanics and Mathematics, Lomonosov Moscow State University, 1-61 Leninskie Gory, Moscow 119234, Russian Federation; e-mail: dmitry.goryashin@math.msu.ru

Artem A. Yakovlev – PhD (Econ.), Associate Professor, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, 1-61 Leninskie Gory, Moscow 119234, Russian Federation; Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 32 Nakhimovskiy Ave., Moscow 117218, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5579-4458>; e-mail: ikovlevartem@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.05.2025; поступила после доработки 26.08.2025; принята к публикации 29.08.2025
Received 04.05.2025; Revised 26.08.2025; Accepted 29.08.2025